

Г.К. Дорофеев

**Характеристика творчества
Н. В. Гоголя**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.К. Дорофеев**
Характеристика творчества Н. В. Гоголя / Г.К. Дорофеев – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 92 с.

ISBN 978-5-517-96637-7

Характеристика творчества Н. В. Гоголя

ISBN 978-5-517-96637-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

логи жизни и ярко освѣщенная удивительнымъ свѣтомъ, которымъ поэтъ сумѣлъ озарить характернѣйшія ея стороны предъ изумленными очами читателя.

Чѣмъ же объяснить такое удивительно сильное дѣйствіе произведеній Гоголя на наше воображеніе и чувства? Его талантомъ? Правда, безъ природнаго дара человѣкъ не можетъ обойтись ни въ чемъ; но талантъ можно „зарыть въ землю“. Можетъ быть, тѣмъ, что поэтъ бралъ содержаніе изъ дѣйствительности? Пожалуй, и это отчасти правда; но этимъ отличаются и произведенія многихъ другихъ поэтовъ, которые однако такого сильного дѣйствія на воображеніе и чувства читателя не оказываютъ. Значитъ, кромѣ указанныхъ условій, объясняющихъ только отчасти удивительную яркость и пластичность поэтическихъ созданій Гоголя, есть еще и другія, и они заключаются, по нашему мнѣнію, въ тѣхъ способахъ и приемахъ творчества, которые Гоголь открылъ съ изумительною для его времени прозорливостью, которыхъ онъ держался съ замѣчательною настойчивостью и самоотверженнымъ трудолюбіемъ въ лучшую пору развитія своего поэтическаго генія.

Къ выясненію этихъ способовъ мы и обратимся *).

*) Перечень главнѣйшихъ трудовъ о Н. В. Гоголѣ:

- 1) В. Бѣлинскій. Собр. соч.
- 2) Добролюбовъ. Собр. соч.
- 3) А. Григорьевъ. Собр. соч. т. 1-й.
- 4) Чернышевскій: „Запѣтки о совр. литер.“ С.-Пб. 1891 г. Его же: „Очерки Гогол. періода рус. лит.“ С.-Пб.
- 5) Аристовъ Н. Я. Собр. сочиненій: 1) „Историч. знач. соч. Гоголя“; 2) „Иноземное вліяніе въ Россіи, изображенное Гоголемъ въ его сочиненіяхъ“; 3) „Сочиненія Гоголя со стороны отечественной науки“. С.-Пб. 1887 г.
- 6) Кулишъ. „Записки о жизни Гоголя“.
- 7) Анненковъ «Воспоминанія». С.-Пб. 1892 г.
- 8) Арнольдъ «Воспоминанія» („Рус. Вѣстникъ“ 1862 г.).
- 9) Пож. собр. соч. Н. В. Гоголя подъ редакціей и съ примѣчаніями пр. Тихоураова и Шенрока. 7 томовъ.

Образованіе, которое получилъ Гоголь въ Нѣжинскомъ лицѣе гр. Бозбородка, не дало ему ни серіознаго умственнаго развитія, ни обладанія правильною литературною рѣчью; Гоголь не вынесъ изъ этого училища „высшихъ наукъ“ даже прочной грамотности, и ему, съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ, пришлось бороться съ этими, прямо-таки элементарными затрудненіями. Особенно трудна была для него правильность рѣчи: онъ былъ малороссъ и, хотя двѣ вѣтви русскаго языка, малорусская и великорусская, близки, но все же особенности первой и разные усвоенные Гоголемъ провинціализмы доставляли ему большія затрудненія и привели его къ тому, что онъ на первыхъ порахъ долженъ былъ вынести много огорченій отъ нападокъ критики именно на эту слабую сторону своихъ сочиненій, нападокъ, часто совершенно справедливыхъ. Мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ несочувственныхъ отзывахъ, которые появились по поводу „Ганса Кюхельгертена“, первой его идиллической повѣсти, напримѣръ, въ „Сѣв. вѣст.“ (1829 г. № 87) и въ „Моск. Телегр.“ (1829 г. ч. 27 № 12); а объ указаніяхъ касающихся, напримѣръ, второй части „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, сдѣланныхъ поэту въ томъ же „Московск. телегр.“ въ 1832 г. № 6 и позже при появленіи „Арабесокъ“, „Портрета“, даже „Мертвыхъ душъ“.

Его упрекали за высокопарность, надутость слога, за неправильности въ языкѣ даже за грамматическія ошибки. И это не всегда были пустая придирки.

Наиболѣе послѣдовательнымъ и придирчивымъ критикомъ

10) Шеврокъ. „Письма Н. В. Гоголя“ С.-Петербургъ изд. Маркса 4 тт.

11) Пыпинъ „Ист. рус. лит. т. IV.“ С.-Пб. 1899 г.

12) Полевой „Ист. рус. литер.“ съ иллюстр. изд. Маркса.

13) Е. Некрасова (псевдонимъ) Н. В. Гоголь. „О способѣ его творческой работы“. Дѣло 1884 г.

14) В. Зелинскій „Рус. критич. лит. о произвед. Н. В. Гоголя“. Москва 1890 г. 3 части.

Гоголя въ этомъ отношеніи былъ сторонникъ романтизма, Н. Полевой, который, впрочемъ, такъ и не понялъ великаго юмориста со стороны содержанія и художественныхъ достоинствъ его безсмертныхъ произведеній *). Въ какой мѣрѣ жестоки были современные отзывы противниковъ Гоголя о его произведеніяхъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ отзыва, помѣщеннаго въ журн. „Библіотека для чтенія“ (1835 г. т. IX отд. VI „Литературная лѣтопись“) по поводу выхода въ свѣтъ „Арабесокъ“.

„Все, что бы мы здѣсь ни сказали, не въ состояніи дать надлежащаго понятія объ уродливости сужденій и слога о тяжкихъ грѣхахъ противъ вкуса, логики и простыхъ обыкновенныхъ познаній въ наукахъ и искусствахъ; о напыщенности фразъ, внутренней пустотѣ мыслей и дисгармоній языка, какими отличаются эти „піесы, высказавшіяся отъ души въ разные эпохи жизни и не по заказу“. Далѣе слѣдуютъ длинныя выписки изъ „Арабесокъ“ съ указаніемъ выраженій, по мнѣнію рецензента, неправильныхъ и уродливыхъ.

Можно вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Чернышевскаго, который говоритъ о полной безпомощности Гоголя среди окружающаго его общества по вопросу о надлежащихъ пріемахъ поэтическаго творчества и вообще о большой незрѣлости литературнаго и общественнаго самосознанія окружавшихъ Гоголя лицъ въ началѣ его дѣятельности. Только знакомство съ Плетневымъ, Пушкинымъ и Жуковскимъ было полезно ему въ этомъ отношеніи; тѣмъ не менѣе, главнымъ образомъ особенность таланта и инстинктъ поэта подсказали Гоголю вѣрный первоначальный источникъ поэческаго творчества. Эту черту своей жизни Гоголь выразилъ въ характеристикѣ одного живописца въ повѣсти „Портретъ“.

*) См. отзывъ его о „Мертвыхъ душахъ“ въ „Рус. Вѣстникѣ“ 1842 г. № 5—6 отд. III „Критика“. Зеллинскій ч. I стр. 95.

„Это былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Это былъ художникъ, какихъ мало—одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ изъ своего непочатаго лона только одна Русь, художникъ-самоучка, отыскавшій самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованія и шедшій, по причинамъ, можетъ быть, неизвѣстнымъ ему самому, одной только указанной отъ души дорогою; одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ, которыхъ часто современники честить обиднымъ словомъ „невѣжа“, и которые не охлаждаясь отъ охуленій и собственныхъ неудачъ, получаютъ только новыя рвенія и силы и уже далеко въ душѣ своей уходятъ отъ тѣхъ произведеній, за которыя получили титулъ невѣжи“ *).

Эти слова, какъ нельзя болѣе, подходятъ къ характеристикѣ самого Гоголя въ первоначальный періодъ его поэтической дѣятельности. Всемъ извѣстно, что, служа въ Петербургѣ и задумавши писать свои „Вечера“, т. е. еще до знакомства съ Пушкинымъ, Гоголь прежде всего заваливаетъ свою мать порученіями доставлять свѣдѣнія о нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ Малороссіи; онъ проситъ сообщать ему описаніе малороссійскихъ одеждъ, частей ихъ и названій, даже хлопочетъ о присылкѣ ихъ для личнаго ознакомленія съ ихъ видомъ и цвѣтомъ. Такое стремленіе къ изученію жизни и ея формъ было присуще Гоголю въ теченіе почти всей жизни Гоголя, и отличалось такою тщательностью и точностью, которая сообщала его созданіямъ чисто этнографическую цѣнность. Въ своемъ стремленіи изучать жизнь и дѣятельность Гоголь не стѣснялся привлекать къ содѣйствію рѣшительно всѣхъ, не исключая Жуковского и Пушкина, которыхъ онъ заваливалъ массою порученій въ родѣ присылки костюмовъ, описанія фizioноміи, нрав-

* Собр. соч. т. III стр. 75, изд. Маркса. Слово „невѣжа“ точнѣе было бы замѣнить словомъ „невѣжда“.

ственныхъ характеристикъ сохранившихся въ глуши живыхъ типовъ. Г. Арнольди въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ прекрасно характеризуетъ умѣнье Гоголя, даже его безцеремонность въ стремленіи ознакомиться до мелочей съ новыми встречавшимися съ нимъ людьми. Однажды вмѣстѣ съ Гоголемъ г. Арнольди остановился въ г. Малоярославцѣ. Къ Гоголю, какъ уже извѣстному писателю, пришелъ засвидѣтельствовать свое почтеніе мѣстный городничій. „Гоголь (говоритъ Арнольди) впился въ городничаго, какъ пьивка, и не уставалъ спрашивать его обо всемъ, что его занимало: давно ли онъ служитъ? Хорошъ ли городокъ? Кто и чѣмъ торгуетъ въ городѣ? Какимъ промысломъ занимаются въ уѣздѣ крестьяне? Бываютъ ли ярмарки? А черезъ часъ онъ подвергалъ въ трактирѣ самому обстоятельному опросу словоохотливаго полового“.

Объ этой способности Гоголя выспрашивать собеседника Пушкинъ высказался въ слѣдующихъ полу-шутливыхъ полусерьезныхъ словахъ: „Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обпраетъ меня такъ, что и кричать нельзя“.

Въ начальный періодъ своей поэтической дѣятельности, Гоголь болѣе чѣмъ никуда чувствовалъ, что ознакомленіе съ дѣйствительностью есть самый вѣрный путь пріобрѣтенія матеріала для художественнаго творчества. Позже это стало сознательнымъ его убѣжденіемъ: жизнь въ ея реальныхъ формахъ—вотъ тотъ неизсякаемый Кастанальскій ключъ, пзъ котораго всякій поэтъ, по мнѣнію Гоголя, можетъ и долженъ черпать оригинальныя идеи и содержаніе для своихъ произведеній. Оттого Гоголь удивлялся, какъ это многіе поэты не умѣютъ найти для своихъ произведеній оригинальнаго содержанія. Осуждая какъ-то одного изъ такихъ авторовъ, Гоголь говоритъ: „Вѣдь онъ же родился гдѣ-нибудь? учился же грамотѣ гдѣ-нибудь? видѣлъ людей и думалъ о чемъ-нибудь?“

Итакъ первымъ, такъ сказать, подготовительнымъ фа-

зисомъ къ поэтическому творчеству было у Н. В. Гоголя собираніе матеріала въ самой жизни, ознакомленіе съ реальными формами ея. Эту работу онъ производилъ съ неослабнымъ, какимъ-то жаднымъ вниманіемъ и неутомимою наблюдательностью. Современники Гоголя въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о послѣдней чертѣ характера Гоголя и отмѣчаютъ ее даже въ его внѣшности. Такъ, Анненковъ говоритъ, что у Гоголя къ его лицу приросла наблюдательность; П. С. Тургеневъ, слушавшій лекціи Гоголя въ университетѣ, тоже отмѣчаетъ „постоянное пронпцательное выраженіе его лица“. Да посмотрите, м. м. г. г., сами на его портреты и особенно на его глаза, которые, какъ будто заглядываютъ вамъ въ душу! При этомъ надо замѣтить, что эта же жизнь, эта же дѣйствительность наталкивала Гоголя своими явленіями и на темы для поэтическихъ сочиненій, внушала ему идеи ихъ. Какъ только тема или идея поражала его воображеніе и западала ему въ душу, то параллельно съ общимъ ознакомленіемъ съ жизнью онъ искалъ въ ея явленіяхъ уже специально и такихъ чертъ, которыя наиболѣе характерно выясняли уже намѣченный имъ типъ или идею и давали ему возможность въ задуманномъ имъ произведеніи воплотить ихъ въ яркій поэтическій образъ, полный жизненныхъ красокъ. Замѣчательною способностью запоминать воспринятые впечатлѣнія Гоголь не довольствовался: онъ еще и записывалъ многое. Какой характеръ носили эти замѣтки, могутъ показать выдержки изъ сохранившихся записныхъ книжекъ поэта. Здѣсь многое записано и описано съ такою точностью и подробностью, съ какою это дѣлается только въ чисто техническихъ книгахъ.

Вотъ напримѣръ описаніе избы, занесенное въ записную книжку: „Изда раздѣляется на двѣ части: на избу и чулавъ, который отгороженъ перегородкою отъ него. Посуда вомѣщается въ чулавѣ въ низенькомъ шкапчикѣ, который

называется судною лавкою. Передъ избы, гдѣ образа— почетный. Изба соединяется сѣнями съ подклѣтомъ, строеніемъ холоднымъ, въ родѣ кладовой. Если на мѣсто его другая изба, то называется горница. Кирпечная—изба, вытесанная, когда бревна стесаны въ гладкую стѣну. Кирчать избу тесломъ,—топоромъ, иначе надѣтымъ на ручку; лѣпще (фронтовъ) избы бываетъ или подшивное или изъ самцовъ, т. е. изъ такихъ же бревень, какъ изба. Рѣши, рѣшети—кладенныя вдоль крыши отъ одного лѣпща къ другому, сверхъ которыхъ кроютъ доскамп. Внизу, гдѣ оканчивается крыша, на края кладется застрѣхъ. Бревно на верху кровли отъ лѣпща до другого называется конекъ. Крыши кроются драньемъ, тесомъ и соломюю; въ послѣднемъ случаѣ въ застрѣхъ утверждаются тычки. Подвалка—чердакъ въ избѣ подъ крышею, гдѣ бабы кладутъ пеньку и прочее. Приклады—жерди, вкладываемыя сверхъ соломенной крыши. Пластины—двѣ половины дѣрева, распиленного на двое“.

Или тутъ же, ниже, Гоголь съ чрезвычайной подробностью дѣлаетъ замѣтки объ охотничьихъ собакахъ, объ ихъ достоинствахъ, цвѣтѣ, статьяхъ, о недостаткахъ, кличкахъ, именахъ гонимыхъ, техническихъ охотничьихъ выраженіяхъ; сюда же онъ заноситъ названіе и описаніе различныхъ блюдъ, птицъ, характерныхъ выраженій, фамилій мужиковъ, названій кабаковъ, описаніе дѣлъ, предстоящихъ губернаторамъ и т. д. и т. д. (Сбор. соч. т. VIII стр. 115—146 изд. Маркса).

Путь, избранный Гоголемъ, конечно, върѣя и внѣ его для эпической и драматической поэзіи нельзя указать никакого другого источника живыхъ впечатлѣній, необходимыхъ для творчества поэта. Однако на этомъ пути есть своего рода Сцилла и Харибда, которыя могутъ погубить самое сильное дарованіе и совершенно обезцвѣтить его творческую дѣятельность. Держась на почвѣ дѣйствительности, поэту легко впасть въ своихъ созданіяхъ въ копированіе жизни, которое даетъ простые

портреты ея, протоколы ея явленій, пасквили на жизнь! Истинному поэтическому творчеству наступаетъ смерть, а создавія поэта лишаются тѣхъ художественныхъ достоинствъ, которыя возвышаютъ художественное поэтическое произведеніе надъ фотографіей отдѣльныхъ лицъ, картинъ и явленій жизни.

Это — Сцилла для поэта на вѣрномъ пути къ идеалу поэтическаго созданія, а вотъ и Харибда:

Изучая жизнь, поэтъ можетъ увлечься какой-либо господствующей въ его время религіозной, нравственной, общественной или политической теоріей, станеть въ своихъ произведеніяхъ изображать жизнь съ точки зрѣнія своихъ излюбленныхъ воззрѣній; въ этомъ случаѣ явится тенденціозность, извращеніе жизни, та поэтическая ложь, которая тоже лишаетъ произведенія истинно художественныхъ достоинствъ. Мы не будемъ входить въ подробное изслѣдованіе этихъ двухъ сложныхъ и трудныхъ эстетическихъ вопросовъ, скажемъ только, что въ лучшую пору своей поэтической дѣятельности Н. В. Гоголь не только умѣлъ охранить себя отъ первой крайности, въ которую впали впоследствии такіе представители натуральной школы, какъ Эмиль Зола во Франціи, но былъ врагомъ копированія дѣятельности даже въ живописи. Самъ поэтъ говоритъ, что онъ никогда не писалъ простой копій съ жизни, а *создавалъ* образы, которые долго вынашивалъ въ своей душѣ; когда же имъ овладѣвало творческое вдохновеніе, онъ воплощалъ въ словѣ уже переработанное имъ свое созданіе. Въ повѣсти Гоголя „Портретъ“ есть слѣдующее мѣсто: на выставкѣ поразила художника Черткова одна картина. „Въ ней“, говоритъ Гоголь, „видна была сила созданія, уже заключенная въ душѣ самого художника. Видно было, какъ все, извлеченное изъ міра, художникъ заключилъ себѣ въ душу, и уже оттуда, изъ душевнаго родника, устремилъ его одной соглас-

ной торжественной пѣснью“. По свидѣтельству пр. Тихонравова, въ этомъ мѣстѣ Гоголь объясняетъ взглядъ на процессъ *своего* художественнаго творчества; съ этимъ можно согласиться; но мы полагаемъ, что здѣсь у Гоголя наблюдается свойственный ему гиперболизмъ, неточность даже неясность въ выраженіи отвлеченныхъ мыслей: въ отдѣльномъ произведеніи художники заключаютъ не „все, извлеченное изъ міра“, а лишь то, что наиболѣе ярко и мѣтко выражаетъ мысль произведенія, его настроеніе, типъ. Гоголь не даетъ въ повѣсти прямого разъясненія, въ чемъ состоитъ „заключеніе въ души всего, извлеченнаго изъ міра, и устремленіе его изъ душевнаго родника одной согласной пѣснью“; но изъ различныхъ мѣстъ этой же повѣсти, въ которыхъ поэтъ изображаетъ моменты творчества художника Черткова, можно заключить, что Гоголь подъ этими словами разумѣлъ ту внутреннюю работу мыслей и чувствъ поэта или художника, благодаря которой воспринятые изъ міра впечатлѣнія комбинируются и видоизмѣняются, далеко не всегда сознательно, для вдохновеннаго воплощенія въ живомъ образѣ творческаго замысла. Чтобы показать, въ какой мѣрѣ самъ Гоголь былъ далекъ отъ простаго копированія жизни, можно привести въ примѣръ его повѣсть: „Шинель“. Анненковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (стр. 176) говоритъ, что первую мысль этой повѣсти далъ Гоголю анекдотъ о бѣдномъ чиновникѣ и его ружьѣ, которое онъ купилъ цѣною чрезвычайныхъ лишений; при первомъ выходѣ на охоту, ружье пропало, и чиновникъ схватилъ отъ огорченія горячку. Между товарищами его нашлись сострадательные люди, которые сложились, купили ему новое ружье и тѣмъ спасли его отъ смерти. Если бы не сохранилось этого свидѣтельства г. Анненкова, то едва ли кому-нибудь пришла бы мысль утверждать, что этотъ разговоръ лежитъ въ основаніи повѣсти: „Шинель“,—такъ мало между ними сходства; вѣрнѣе сказать, между ними

есть только одна сходная черта, да и та отличается общим характеромъ: это—идея гнета безпросвѣтной бѣдности и нужды на душу человѣка. И Гоголь во всю жизнь свою не былъ грѣшенъ этою ошибкою въ своемъ творчествѣ (никогда не впадалъ въ копрованіе жизни, въ протоколпрованіе ея явленій, хотя прототипы его нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ напримѣръ, старосвѣтскихъ помѣщиковъ, пасѣчника Рудого Павька и др., конечно, были).

Что же касается второй крайности, именно тенденціозности въ поэтическомъ творчествѣ, то въ лучшую пору своей дѣятельности, Гоголь спасался и отъ этой страшной для испинно художественнаго творчества опасности; но, къ глубокому сожалѣнію, въ послѣдній періодъ его жизни тенденціозность стала проявляться у него съ неумолимостью навязчивыхъ идей, и не только погубила творческій гений нашего поэта, но и омрачила удивительную критическую ясность его взгляда на собственныя, уже созданныя имъ поэтическія произведенія. Подъ влияніемъ этого гнета онъ сталъ приписывать, напримѣръ, «Ревизору», символическое значеніе, существованія котораго Гоголь, конечно, и не предчувствовалъ, когда создавалъ свою знаменитую комедію въ 1835 году. *)

*) Вотъ для поясненія мѣсто изъ—„Развязки Реввора“—разсужденія въ разговорной формѣ между зрителями и актерами по поводу только что сыгранной знаменитой комедіи.

Первый комическій актеръ, въ уста котораго Гоголь вложилъ свои мысли о значеніи смѣха въ поэзіи, говоритъ между прочимъ и слѣдующее: „Будто не знаетъ, кто это реввора? Что прикидываться? Реввора—этогъ наша прославшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во все глаза на самихъ себя. Предъ этимъ ревворомъ ничего не укроется, потому что, по Именному Высшему повелѣнію, онъ посланъ, и возвеститъ о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобой, въ тебѣ же откроется такое страшнѣе, что отъ ужаса подымается волосъ. Лучше же сдѣлать ревворку всею, что ни есть въ насъ, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея, на мѣсто пустыхъ разглагоствованій о себѣ и похвалѣмъ собой, да побывать теперь же въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ, который въ нѣсколько разъ хуже всякаго